

Но кто бы мог подумать,
что в этом старике так много крови?

У. Шекспир. Макбет

Мой дорогой Джеймс!¹

Ты всегда был одним из самых преданных и доброжелательных моих читателей, поэтому я всерьез огорчилась, получив твои критические замечания. Ты жаловался, что мои убийства становятся чересчур рафинированными — иными словами, анемичными. Тебе хотелось бы «настоящего жестокого убийства с большим количеством крови», когда ни у кого не возникало бы сомнения, что это убийство! Эта история написана специально для тебя. Надеюсь, она тебе понравится. Твоя любящая свояченица

Агата.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

22 декабря

1

Стивен поднял воротник пальто и быстро зашагал по платформе. Вокзал был окутан густым туманом. Паровозы громко гудели, выбрасывая клубы пара в сырой холодный воздух. Все вокруг было в грязи и дыму.

«Какая грязная страна, — с отвращением подумал Стивен, — и какой грязный город!»

Первое впечатление о Лондоне с его магазинами, ресторанами, хорошо одетыми, привлекательными женщинами успело потускнеть. Теперь город казался ему сверкающим, но фальшивым бриллиантом, да еще в скверной оправе.

Что, если вернуться в Южную Африку? Стивен ощущал острую тоску по родине. Солнце, голубое небо, сады,

¹Джеймс Уоттс — муж старшей сестры Агаты Кристи. (Здесь и далее примеч. перев.)

8 полные цветов, живые изгороди, синие вьюнки на стенах каждой лачуги...

А здесь повсюду грязь и суесящиеся толпы людей, которые снуют туда-сюда, словно муравьи вокруг своего муравейника.

«Лучше бы я не приезжал сюда», — подумал Стивен.

Но он тут же вспомнил о цели своего путешествия и плотно сжал губы. Нет, черт возьми, нужно продолжать! Ведь он несколько лет планировал то, что собирался сделать...

Все эти колебания, мучительные вопросы: «Стоит ли ворошить прошлое? Почему бы не забыть обо всем?» — всего лишь проявление слабости. Ведь он уже не мальчик, чтобы действовать под влиянием минутного настроения, а сорокалетний мужчина, целеустремленный и уверенный в себе. Он должен осуществить то, ради чего прибыл в Англию.

Стивен поднялся в вагон и двинулся по коридору, ища свободное место. От носильщика он отказался и сам тащил чемодан из сыромятной кожи, заглядывая в одно купе за другим. Поезд был переполнен. До Рождества оставалось всего три дня. Стивен Фэрр с отвращением взирал на битком набитые купе.

Всюду люди — и притом все выглядят так бесцветно, так похоже друг на друга! Одни напоминают овец, другие — кроликов, а грузные, пыхтящие старики — свиней. Даже стройные девушки с продолговатыми лицами и алыми губами казались удручающе одинаковыми.

С тоской Стивен подумал о высушенных солнцем просторах вельда...¹

Заглянув в очередное купе, он внезапно затаил дыхание. Эта девушка была совсем другой. Черные волосы, бархатная кожа кремового цвета, глаза, глубокие и темные, как ночь, — печальные, гордые глаза юга... Что она делает среди этих унылых и безликих людей, зачем едет в глубь страны, где все наверняка так же серо и тоскливо? Ей бы следовало стоять на балконе, держа во рту розу, с черным кружевным платком на гордой головке, дышать воздухом, напоенным зноем, пылью и запахом крови — запахом боя быков, — а не сидеть втиснутой в угол купе третьего класса.

Стивен был наблюдательным человеком. От его взгляда

¹ В е л ь д — южноафриканская степь.

не ускользнули поношенные кофта и юбка девушки, дешевые матерчатые перчатки, ветхие туфли и вызывающий огненно-красный оттенок сумочки. Но, несмотря на это, в ней ощущалось какое-то экзотическое великолепие.

Какого дьявола ей понадобилось в этой стране туманов, сырости и суесящихся муравьев?

«Я должен узнать, кто она и что она здесь делает», — подумал Стивен.

2

Пилар съездившись сидела у окна и размышляла о странных английских запахах. Пока что это было ее самым сильным впечатлением от Англии. Здесь не пахло ни чесноком, ни пылью и даже почти не пахло духами. Воздух в вагоне был холодным и спертым — в нем ощущался типичный для поездов запах серы, мыла и еще какой-то неприятный запах, исходивший, как ей казалось, от мехового воротника сидевшей рядом толстой женщины. Пилар принялась, с отвращением ощущая запах нафталина. «Странно, что люди надевают на себя вещи, которые так скверно пахнут», — подумала она.

Раздался гудок паровоза, зычный голос что-то крикнул, и поезд медленно тронулся в путь.

Сердце Пилар забилось быстрее. Правильно ли она поступает? Удастся ли ей выполнить задуманное? Должно удасться — ведь она так тщательно все спланировала, подготовилась к любой неожиданности...

Уголки алых губ Пилар слегка приподнялись. Теперь ее рот казался злым и алчным, как у ребенка или котенка, знающих только собственные желания и еще неспособных на жалость.

Пилар огляделась вокруг с чисто детским любопытством. Семь человек, находившихся в купе, казались вполне обеспеченными, судя по их одежде и обуви. Она слышала, что Англия — очень богатая страна. Вот только выглядели они почему-то совсем не весело.

А вот мужчина, стоящий в коридоре, показался Пилар очень красивым. Ей понравились его загорелое лицо, орлиный нос, широкие плечи. Куда быстрее, чем это удалось бы любой английской девушке, Пилар поняла, что этот человек ею восхищается. Она ни разу не взглянула

10 прямо на него, но точно знала, когда и каким взглядом он на нее смотрит.

Все эти факты Пилар отмечала почти равнодушно. Она прибыла из страны, где мужчины не стесняются разглядывать женщин. Ее лишь интересовало, был ли незнакомец англичанином, и, подумав, она ответила на этот вопрос отрицательно.

«Он слишком живой, слишком реальный для англичанина. С другой стороны, он блондин — возможно, американец». Мужчина казался ей похожим на актеров, которых она видела в фильмах о Диком Западе.

По коридору пробирался проводник.

— Первый ленч! Пожалуйста, займите места для первого ленча!

У всех семи соседей Пилар оказались билеты на первый ленч. Они вышли, и в купе стало пусто и тихо.

Пилар быстро подняла окно, которое успела опустить на пару дюймов воинственная на вид седовласая леди, сидевшая в противоположном углу. После этого она удобнее расположилась на сиденье и стала разглядывать в окно северные пригороды Лондона, даже не обернувшись при звуке открываемой двери. Это был незнакомец из коридора, и Пилар не сомневалась, что он вошел в купе, чтобы поговорить с ней.

Она продолжала задумчиво смотреть в окно.

— Может быть, хотите открыть окно? — предложил Стивен Фэрр.

— Напротив, — возразила Пилар. — Я только что его закрыла.

Она говорила по-английски безупречно, но с легким акцентом.

«Какой чудесный голос! — подумал Стивен. — Теплый, как летняя ночь...»

«Мне нравится его голос — сильный и уверенный, — думала Пилар. — И вообще он очень привлекательный...»

— Поезд битком набит, — заметил Стивен.

— Да, в самом деле. Очевидно, люди уезжают из Лондона, потому что там так мрачно.

Пилар отнюдь не считала преступлением разговор с незнакомым мужчиной в поезде. Она могла позаботиться о себе не хуже любой другой девушки, но ее воспитание не налагало каких-либо строгих табу.

Если бы Стивен вырос в Англии, ему было бы не так легко завязать беседу с молодой девушкой. Но он был

дружелюбен от природы и считал вполне естественным разговаривать с тем, с кем ему хотелось.

— Лондон — ужасное место, не так ли? — осведомился он с непринужденной улыбкой.

— Да. Мне он совсем не нравится.

— Мне тоже.

— Вы не англичанин? — спросила Пилар.

— Англичанин, но я приехал из Южной Африки.

— Тогда все понятно.

— Вы тоже прибыли из-за границы?

Пилар кивнула:

— Да, из Испании.

— Из Испании, вот как? — переспросил заинтересованный Стивен. — Значит, вы испанка?

— Только наполовину. Моя мать была англичанка. Вот почему я так хорошо говорю по-английски.

— В Испании все еще бушует война?

— Да, это ужасно. Столько разрушений.

— И какую же сторону вы поддерживаете?

Политические убеждения Пилар казались весьма неопределенными. По ее словам, в деревне, откуда она прибыла, никто не обращал особого внимания на войну.

— Понимаете, она была далеко от нас. Мэр, как государственный служащий, конечно, поддерживал правительство, а священник — генерала Франко, но большинство жителей занимались землей и виноградниками — на политику им не хватало времени.

— Вероятно, поблизости от вас не было военных действий?

— Не было. Но когда я ехала через страну на машине, то видела много разрушений. Одна бомба попала в автомобиль, другая уничтожила целый дом. Зрелище было захватывающее!

Стивен Фэрр криво усмехнулся:

— Выходит, вам это показалось увлекательным?

— Не совсем, — ответила Пилар. — Водитель моей машины погиб, а мне нужно было ехать дальше.

— И его смерть вас не огорчила? — спросил Стивен, наблюдая за ней.

Темные глаза Пилар широко открылись.

— Каждый должен умереть, не так ли? Смерть, которая обрушивается с неба — бах! — ничуть не хуже любой другой. Сегодня человек жив, а завтра мертв. Так уж заведено в этом мире.

Стивен Фэрр рассмеялся:

— Вас не назовешь пацифисткой!

— Меня не назовешь... кем? — Пилар казалась озадаченной словом, ранее не входившим в ее лексикон.

— Вы прощаете ваших врагов, сеньорита?

Пилар покачала головой:

— У меня нет врагов. Но если бы были...

— Ну?

Он смотрел на девушку, словно зачарованный притягательной и в то же время жестокой складкой ее рта.

— Если бы кто-то ненавидел меня, а я ненавидела его, — серьезно ответила Пилар, — то я бы перерезала моему врагу горло — вот так! — Она сделала выразительный жест — настолько быстрый и свирепый, что Стивен Фэрр был ошеломлен.

— Вы на редкость кровожадная особа! — заметил он.

— А как бы вы поступили с вашим врагом? — обыденным тоном осведомилась Пилар.

Стивен изумленно уставился на нее и громко расхохотался.

— Право, не знаю!

— Конечно, знаете, — с неодобрением промолвила Пилар.

Стивен перестал смеяться.

— Да. Знаю, — тихо сказал он и спросил, переменив тему: — Что заставило вас приехать в Англию?

— Я собираюсь погостить у моих английских родственников, — довольно сдержанно ответила Пилар.

— Понятно.

Стивен откинулся на сиденье, размышляя, что собой представляют эти английские родственники и как они отнесутся к незнакомой испанской девушке, пытаясь представить себе ее в чопорном британском семействе во время Рождества.

— А в Южной Африке очень красиво? — спросила Пилар.

Стивен начал говорить о Южной Африке. Она слушала с напряженным вниманием ребенка, которому рассказывают сказку. Он наслаждался ее наивными и в то же время пронизательными вопросами и с удовольствием отвечал, щедро приукрашивая описания.

Возвращение пассажиров положило конец этой беседе. Стивен с улыбкой поднялся и направился в коридор.

У двери он шагнул назад, пропуская пожилую леди, и

его взгляд упал на бирку, прикрепленную к явно импортной соломенной дорожной сумке девушки. Стивен с интересом прочитал имя — «мисс Пилар Эстравадос», однако при виде адреса — «Горстон-Холл, Лонгдейл, Эддлсфилд» — его глаза расширились от удивления и какого-то другого чувства.

Полуобернувшись, Стивен снова посмотрел на девушку, но теперь его взгляд был озадаченным и подозрительным. Выйдя в коридор, он закурил сигарету и нахмурился...

3

Сидя в большой голубой с золотом гостиной Горстон-Холла, Элфред Ли и его жена Лидия обсуждали планы на Рождество. Элфред был довольно плотным мужчиной средних лет с приветливым выражением лица и мягкими карими глазами. Говорил он негромко, но четко выговаривая слова. Втянутая в плечи голова, да и весь его облик свидетельствовали о вялости и инертности. Лидия, напротив, была худощавой энергичной женщиной, похожей на борзую. Ее движения отличались грацией и изяществом.

Ее усталое лицо не было красивым, зато голос был очаровательным.

— Отец настаивает! — сказал Элфред. — Значит, ничего не поделаешь.

Лидия с трудом сдержала возглас раздражения.

— Неужели ты должен всегда ему уступать? — спросила она.

— Он уже очень стар, дорогая...

— Знаю!

— И привык все делать по-своему.

— Естественно, раз он поступал так всю жизнь, — сухо промолвила Лидия. — Но рано или поздно, Элфред, тебе придется сопротивляться.

— Что ты имеешь в виду, Лидия?

Элфред уставился на нее с таким явным испугом, что она закусила губу, сомневаясь, стоит ли ей продолжать.

— Что ты имеешь в виду? — повторил Элфред Ли.

Лидия пожала худыми, стройными плечами.

— У твоего отца, — ответила она, тщательно подбирая слова, — проявляются тиранические наклонности.

— Я уже говорил, что он очень стар.

14 — И с возрастом эти наклонности усиливаются. Когда же это кончится? Он буквально диктует, как нам жить. Мы не можем самостоятельно строить планы, а если пытаемся, то их тут же расстраивают.

— Отец считает, что мы должны считаться с его мнением, — сказал Элфред. — Не забывай, что он очень добр к нам.

— Ничего себе, добр!

— Очень добр. — В голосе Элфреда послышались строгие нотки.

— Ты имеешь в виду, в смысле финансов?

— Да. Его собственные желания крайне просты. Но нам он никогда не отказывает в деньгах. Ты можешь тратить сколько угодно на платья и на дом, и отец без разговоров оплачивает все счета. Только на прошлой неделе он подарил нам новую машину.

— Согласно — когда речь идет о деньгах, твой отец очень щедр, — сказала Лидия. — Но взамен он требует от нас рабского подчинения.

— Рабского?

— Вот именно. Ты его раб, Элфред. Если бы мы решили уехать, а твой отец внезапно воспротивился, ты бы отменил все приготовления и безропотно остался здесь! А если ему взбредет в голову выставить нас, мы тут же уедем. У нас нет собственной жизни, нет независимости.

— Мне не нравится, что ты так говоришь, Лидия, — с огорчением произнес ее муж. — Это неблагодарность. Мой отец все делает для нас...

С усилием удержавшись от возражения, Лидия снова пожалала плечами.

— Ты ведь знаешь, Лидия, — продолжал Элфред, — что старик очень любит тебя.

— Зато я не люблю его, — твердо заявила она.

— Лидия, мне неприятно слышать такие вещи. Это так жестоко...

— Возможно. Но иногда приходится говорить правду.

— Если бы отец догадывался...

— Твой отец отлично знает, что я не люблю его. Думаю, это его забавляет.

— Я уверен, Лидия, что ты не права. Он часто говорил мне, что у тебя очаровательные манеры.

— Естественно, я всегда с ним вежлива. Просто я хочу, чтобы ты знал о моих подлинных чувствах. Твой отец мне очень не нравится, Элфред. По-моему, он злой и деспо-

тичный старик. Он тиранит тебя, полагаясь на твою привязанность. Тебе уже давно следовало бы воспротивиться...

— Довольно, Лидия, — резко прервал Элфред. — Хватит об этом.

Она вздохнула:

— Прости. Возможно, я была не права... Давай поговорим о планах на Рождество. Думаешь, твой брат Дэвид действительно приедет?

— Почему бы и нет?

Лидия задумчиво покачала головой:

— Дэвид такой... странный. Он ведь уже много лет не был в Горстон-Холле — ему неприятен этот дом, так как он был очень привязан к вашей матери.

— Дэвид всегда действовал отцу на нервы своей музыкой и мечтательным видом, — отозвался Элфред. — Возможно, отец иногда бывал с ним слишком суров. Но я думаю, Дэвид и Хильда обязательно придут — все-таки это Рождество...

— Ну да, любовь и всеобщее примирение, — иронически усмехнулась Лидия. — Джордж и Мэгдалин сообщили, что, возможно, придут завтра. Боюсь, что Мэгдалин будет смертельно скучать.

— Не могу понять, почему мой брат Джордж женился на девушке на двадцать лет моложе его! — с раздражением сказал Элфред. — Впрочем, Джордж никогда не отличался умом.

— Зато он успешно сделал карьеру, — заметила Лидия. — Избиратели им довольны. По-моему, Мэгдалин очень помогает ему в политической деятельности.

— Не могу сказать, что она мне нравится, — медленно произнес Элфред. — Конечно, Мэгдалин хорошенькая, но напоминает мне красивую грушу — румяную и золотистую снаружи...

— И гнилую внутри, — закончила Лидия. — Забавно, что ты так говоришь, Элфред.

— Почему?

— Потому что ты обычно такой мягкосердечный — никогда ни о ком не скажешь худого слова. Мне иногда досадно, что ты... ну, никого ни в чем не подозреваешь — совсем не от мира сего!

Ее супруг улыбнулся:

— Я всегда думал, что мир таков, каким ты сам его делаешь.

— Нет! — резко возразила Лидия. — Зло существует не

16 только в чьей-либо душе, но и само по себе! Ты не чувствуешь зла вокруг себя, но я всегда его ощущала. Здесь, в этом доме... — Она закусила губу и отвернулась.

— Лидия... — начал Элфред.

Но она предостерегающе подняла руку, глядя на что-то поверх его плеча. Элфред посмотрел туда же.

Темноволосый мужчина с гладко выбритым лицом застыл в исполненной почтения позе.

— В чем дело, Хорбери? — резко осведомилась Лидия.

Голос Хорбери походил на негромкое почтительное бормотание.

— Мистер Ли, мадам, просил передать вам, что на Рождество придут еще два гостя и чтобы вы приготовили для них комнаты.

— Еще два гостя? — переспросила Лидия.

— Да, мадам, джентльмен и молодая леди.

— Молодая леди? — В голосе Элфреда звучало удивление.

— Так сказал мистер Ли, сэр.

— Я поднимусь к нему и все выясню, — заявила Лидия.

Хорбери сделал всего лишь маленький шаг вперед, но это сразу же остановило Лидию.

— Простите, мадам, но у мистера Ли сейчас послеполуденный сон. Он специально просил, чтобы его не беспокоили.

— Понятно, — кивнул Элфред. — Конечно, мы не будем его беспокоить.

— Благодарю вас, сэр. — И Хорбери удалился.

— Терпеть не могу этого типа! — воскликнула Лидия. — Крадется по дому бесшумно, как кот! Никогда не слышишь, как он входит.

— Мне он тоже не слишком нравится. Но Хорбери знает свою работу. Не так-то легко найти слугу-мужчину для ухода за больным. К тому же он нравится отцу, а это самое главное.

— Тут ты прав, — усмехнулась Лидия. — Элфред, что это за молодая леди?

Ее муж покачал головой:

— Понятия не имею. Не могу себе представить, кто она.

Они посмотрели друг на друга.

— Знаешь, что я думаю, Элфред? — заговорила Лидия, скривив губы.

— Что?

— Я думаю, что твой отец заскучал и планирует для себя небольшую рождественскую забаву.

— Пригласив двух посторонних на семейное сборище?

— Не знаю, но чувствую, что твой отец готовится... развлечься.

— Надеюсь, это доставит ему удовольствие, — серьезно промолвил Элфред. — Бедный старик — стать инвалидом после жизни, полной приключений!

— После жизни... полной приключений, — медленно повторила Лидия.

Пауза перед двумя последними словами придавала им особый, таинственный смысл. Казалось, Элфред это почувствовал. Он покраснел и выглядел смущенным.

— Не могу понять, каким образом у него появился такой сын, как ты! — внезапно воскликнула Лидия. — Вы двое — полная противоположность друг другу. И при этом ты его просто обожаешь.

— По-моему, ты заходишь слишком далеко, Лидия, — с легким раздражением сказал Элфред. — Для сына вполне естественно любить своего отца.

— В таком случае большинство членов этой семьи ведут себя неестественно, — отозвалась Лидия. — Ладно, не возмущайся. Прости меня. Я знаю, что оскорбила твои чувства, Элфред, но поверь, я этого не хотела. Я восхищаюсь твоей... твоей преданностью. В наши дни это редкая добродетель. Считай, что я просто ревную. Женщины часто ревнуют мужа к свекрови — почему я не могу ревновать тебя к свекру?

Элфред обнял ее за талию.

— Твой язык подводит тебя, Лидия. У тебя нет никаких причин для ревности.

Она чмокнула его в кончик уха.

— Знаю. Тем не менее, Элфред, я не думаю, что стала бы ревновать тебя к твоей матери. Мне очень жаль, что я ее не знала.

Элфред вздохнул:

— Она была жалким существом.

Жена с любопытством посмотрела на него:

— Значит, вот какой казалась тебе мать? Интересно...

— Я помню ее почти всегда больной, часто в слезах... — Элфред покачал головой. — У нее не было ни капли мужества.

— Как странно... — пробормотала Лидия, все еще глядя на мужа.

18 Но когда он вопросительно посмотрел на нее, она сразу переменяла тему:

— Так как нам не сообщили, кто наши таинственные гости, я закончу работу над моим садом.

— Сейчас холодно, дорогая. Очень сильный ветер.

— Я оденусь потеплее.

Лидия вышла из комнаты. Оставшись один, Элфред Ли какое-то время стоял неподвижно, нахмутив брови, затем направился к большому окну в конце комнаты. Снаружи находилась терраса, тянущаяся вдоль дома. Через пару минут он увидел, как туда вышла Лидия с плоской корзиной. На ней была просторная шерстяная кофта. Поставив корзину, она начала работать у квадратной каменной раковины, слегка возвышающейся над землей.

Несколько секунд муж наблюдал за ней, потом взял пальто и шарф, вышел на террасу через боковую дверь и зашагал мимо других каменных раковин, в каждой из которых опытные руки Лидии создали миниатюрный пейзаж.

Одна композиция изображала пустыню с желтым песком, горсткой зеленых пальм из подкрашенной жести, процессией верблюдов, сопровождаемой двумя фигурками арабов, и примитивными домиками из пластилина. В другой находился итальянский сад с террасами и цветочными клумбами из разноцветного сургуча. Третья воплощала собой полярный пейзаж с пингвинами и айсбергами из зеленого стекла. Рядом помещался японский сад с низкорослыми деревьями, прудом из зеркала и пластилиновыми мостиками.

Подойдя к Лидии, Элфред остановился рядом с ней. Она прикрывала голубую бумагу куском стекла. Вокруг громоздились миниатюрные скалы. Высыпав из маленькой сумочки гальку, Лидия изобразила пляж. Между скалами виднелись крошечные кактусы.

— Да, это именно то, что я хотела, — пробормотала Лидия себе под нос.

— Что означает твое последнее творение? — осведомился Элфред.

Она вздрогнула, так как не слышала его шагов.

— Это Мертвое море. Тебе нравится, Элфред?

— Выглядит довольно мрачно, — ответил он. — Не стоит ли прибавить растительности?

Лидия покачала головой:

— Именно так я представляю себе Мертвое море. Оно ведь недаром так называется.

— Этот пейзаж не так привлекателен, как другие.

— А он и не должен быть особенно привлекательным.

На террасе послышались шаги. Пожилой дворецкий, седовласый и слегка сутулый, направлялся к ним.

— Звонит миссис Джордж Ли, мадам. Она спрашивает, будет ли удобно, если они с мистером Джорджем придут завтра поездом в пять двадцать?

— Да, скажите ей, чтобы приезжали.

— Благодарю вас, мадам.

Дворецкий поспешил назад. Лидия посмотрела ему вслед. Ее лицо смягчилось.

— Добрый старый Трессилиан для нас колоссальная поддержка. Не знаю, что бы мы без него делали.

— Да, он дворецкий старой школы, — кивнул Элфред. — Трессилиан служит у нас почти сорок лет и очень нам предан.

— Он в самом деле похож на преданных слуг из книг. Думаю, он костями ляжет, если понадобится защитить кого-нибудь из членов семьи.

— Пожалуй, — согласился Элфред.

Лидия поправила последний кусочек гальки.

— Теперь все готово, — удовлетворенно сказала она.

— Готово? — Элфред выглядел озадаченным.

— К Рождеству, глупый! — рассмеялась Лидия. — К сентиментальному семейному Рождеству, которое нам предстоит.

4

Прочитав письмо, Дэвид скомкал его и отшвырнул в сторону, но потом подобрал, разгладил и стал читать снова.

Его жена Хильда молча наблюдала за ним. Она заметила пульсирующую жилку на его виске, легкое дрожание длинных тонких пальцев, судорожные подергивания тела. Когда он в очередной раз стряхнул со лба прядь светлых волос и устремил на нее умоляющий взгляд голубых глаз, она уже была готова к его вопросу.

— Как, по-твоему, мы должны поступить?

Хильда немного поколебалась перед ответом. Она слышала мольбу в голосе мужа, знала, что он со дня свадьбы во всем полагался на нее, и прекрасно понимала, что в состоянии повлиять на его решение. Но именно по этой

20 причине Хильда остерегалась высказывать определенное мнение.

— Это зависит от тебя, Дэвид, — произнесла она успокаивающим тоном, каким разговаривают опытные няни в детской.

Хильда Ли не отличалась красотой, но тем не менее обладала магнетическими свойствами, присущими портретам голландских живописцев. В ее голосе ощущались теплота и дружелюбие, а во всем облике — скрытая жизненная сила, которая так притягательна для слабых. Именно сила привлекала внимание к этой толстой, но блестящей умом женщине средних лет.

Дэвид встал и начал ходить взад-вперед. Его волосы были лишь чуть тронуты сединой, а во внешности чувствовалось что-то мальчишеское. Кроткое выражение лица напоминало рыцаря с картины Бёрн-Джонса¹. Оно казалось каким-то нереальным...

— Ты знаешь мое мнение, Хильда, — с тоской сказал Дэвид.

— Я в этом не уверена.

— Но я ведь говорил тебе снова и снова, как я ненавижу этот дом и это место! С ними у меня ничего не связано, кроме горя! Я ненавижу каждую минуту, проведенную там! Когда я думаю, как страдала моя мать...

Хильда сочувственно кивнула.

— Она была так добра и терпелива! — продолжал Дэвид. — Постоянно болела, часто не могла подняться с постели, но терпела все. А отец... — Его лицо помрачнело. — Он все время унижал ее, изменял ей и не только этого не скрывал, но даже похвалялся своими любовными связями!

— Ей не следовало с этим мириться, — заметила Хильда Ли. — Она должна была оставить его.

— Мама была слишком благородна, чтобы так поступить, — укоризненно отозвался Дэвид. — Она считала своим долгом быть рядом с мужем. А кроме того, там был ее дом — куда еще она могла пойти?

— Она могла начать жить своей жизнью.

— Только не в то время! — горячо возразил Дэвид. — Ты не понимаешь. Женщины тогда не вели себя так. Им приходилось все терпеть. К тому же мама должна была думать о нас. Если бы она развелась с отцом, он, возмож-

¹Бёрн-Джонс, Эдвард Коули (1833—1898) — английский художник.

но, женился бы снова, у него появилась бы вторая семья, и это отрицательно сказалось бы на наших интересах. Ей нужно было все это учитывать.

Хильда не ответила.

— Нет, мама поступила правильно, — не унимался Дэвид. — Она была святая! Терпела все до конца и никогда не жаловалась.

— Едва ли никогда, иначе ты бы не знал обо всем этом, — резонно указала Хильда.

Лицо Дэвида просветлело.

— Да, мама многое мне рассказывала... Она знала, как я люблю ее. Когда она умерла... — Он не окончил фразу и провел ладонью по волосам. — Это было ужасно, Хильда! Мама была еще молодой — она могла прожить долго. Отец убил ее! Он виноват в ее смерти! Он разбил ей сердце! И тогда я решил, что не стану жить с ним под одной крышей. Я бросил все и уехал.

— Ты правильно поступил, — кивнула Хильда.

— Отец хотел, чтобы я занялся бизнесом, — продолжал Дэвид. — Но тогда мне пришлось бы остаться дома, а я бы не смог этого вынести. Не знаю, как Элфред выдержал все эти годы.

— И он ни разу не взбунтовался? — с интересом спросила Хильда. — Кажется, ты говорил, что ему пришлось отказаться от какой-то карьеры.

Дэвид кивнул:

— Элфред собирался в армию. Отец спланировал наше будущее. Дэвид-старший должен был поступить в кавалерийский полк, Харри и я — заняться бизнесом, а Джордж — заниматься политикой.

— Но получилось совсем не так?

Дэвид покачал головой:

— Харри все испортил. Он всегда был необузданным — влезал в долги и в другие неприятности. В один прекрасный день Харри уехал, прихватив с собой несколько сотен фунтов, не принадлежавших ему, и оставив записку, что не желает торчать целыми днями в офисе и намерен повидать мир.

— И вы больше никогда о нем не слышали?

— Еще как слышали! — рассмеялся Дэвид. — Харри телеграфировал буквально со всех концов света, прося денег, и обычно добивался своего!

— А Элфред?

— Отец заставил его уйти из армии, вернуться домой и заняться бизнесом.

— И он не возражал?

— Поначалу очень возражал. Но отец всегда мог обвести Элфреда вокруг пальца. Думаю, он до сих пор у отца под каблуком.

— А тебе удалось избежать этого?

— Да. Я приехал в Лондон и стал учиться живописи. Отец ясно дал мне понять, что если я займусь таким бесполезным делом, то могу рассчитывать лишь на маленькое содержание, покуда он жив, и ни на что после его смерти. Я ответил, что меня это не волнует. Он назвал меня молодым ослom, и с тех пор мы не виделись.

— И ты никогда об этом не сожалел? — мягко спросила Хильда.

— Никогда. Я понимаю, что не стану великим художником, но мы с тобой счастливы в этом коттедже, и у нас есть все необходимое. А если я умру, ты получишь страховку. — Помолчав, он добавил: — И вот теперь — это! — Дэвид хлопнул ладонью по письму.

— Мне жаль, что твой отец написал тебе, если это тебя так огорчает, — сказала Хильда.

Дэвид продолжал, как будто не слышал ее:

— Он приглашает меня приехать с женой и выражает надежду, что вся семья соберется вместе на Рождество! Что это значит?

— Разве в этом обязательно должен иметься какой-то скрытый смысл? — спросила Хильда.

Дэвид недоуменно посмотрел на нее.

— Я имею в виду, — улыбаясь, объяснила она, — что твой отец стареет и начинает испытывать сентиментальные чувства относительно семейных связей. Такое часто случается.

— Пожалуй, — согласился Дэвид.

— Он стар и одинок.

Дэвид бросил на нее быстрый взгляд:

— Ты хочешь, чтобы я поехал, не так ли, Хильда?

— Мне кажется, следует принять приглашение, — медленно ответила она. — Может быть, я старомодна, но почему бы не провести Рождество мирно, в семейном кругу?

— После всего, что я тебе рассказал?

— Знаю, дорогой, но все это в прошлом. С этим покончено.

— Только не для меня!

— Да, потому что ты не позволяешь прошлому умереть.

— Я не могу забыть.

— Вернее, не хочешь, Дэвид.

Он упрямо сжал губы.

— Мы, Ли, все таковы. Никогда ничего не забываем.

— По-твоему, тут есть чем гордиться? Мне так не кажется.

Дэвид задумчиво посмотрел на нее:

— Ты не придаешь особого значения верности памяти, не так ли?

— Я верю в настоящее, а не в прошлое! Цепляясь за прошлое, мы искажаем его и начинаем видеть в преломленном свете — так сказать, в ложной перспективе.

— Я могу припомнить каждое слово... каждое событие, происшедшее тогда! — горячо воскликнул Дэвид.

— Можешь, но не должен, дорогой! Это неестественно! Ты смотришь на прошлое глазами мальчика, каким был тогда, а не более умеренным взглядом зрелого мужчины.

— Что это меняет? — спросил Дэвид.

Хильда колебалась. Она понимала, что неразумно развивать эту тему, но хотела многое сказать.

— По-моему, — продолжала она, — ты рассматриваешь своего отца как пугало и делаешь из него воплощение зла. Возможно, если бы ты увидел его теперь, то понял бы, что он обычный человек, который, конечно, поддавался своим страстям и вел далеко не безупречную жизнь, но тем не менее человек, а не монстр!

— Ты не понимаешь! Его обращение с моей матерью...

— Иногда кротость и покорность пробуждают в мужчине худшее, — серьезно сказала Хильда. — Столкнувшись с твердостью и решительностью, он, возможно, был бы совсем другим человеком.

— Значит, по-твоему, это ее вина...

— Конечно, нет! — прервала его Хильда. — Я не сомневаюсь, что твой отец очень дурно обращался с твоей матерью, но брак — странная вещь, и я не думаю, что посторонний — даже дитя этого брака — имеет право судить. Кроме того, весь твой гнев не в силах помочь твоей матери. Ты уже ничего не можешь изменить — все ушло. Остался лишь больной старик, который просит сына приехать домой на Рождество.

— И ты хочешь, чтобы я поехал?

Хильда внезапно приняла решение.

— Да, хочу, — твердо ответила она. — Я хочу, чтобы ты поехал и избавился от воображаемого пугала раз и навсегда.

Джордж Ли, член парламента от Уэстерингема, был довольно полным джентльменом сорока одного года, со слегка выпуклыми светло-голубыми глазами, с подозрением смотревшими на окружающих, тяжелым подбородком и педантичной медленной речью.

— Я уже говорил тебе, Мэгдалин, — веско произнес он, — что считаю своим долгом поехать туда.

Его жена раздраженно пожала плечами.

Это была стройная платиновая блондинка с выщипанными бровями и гладким продолговатым лицом, которое иногда — в том числе и сейчас — казалось лишенным всякого выражения.

— Я уверена, дорогой, что там будет очень скучно, — сказала она.

— К тому же, — продолжал Джордж Ли, чье лицо просветлело благодаря пришедшей на ум весьма привлекательной идее, — это даст нам возможность сэкономить немалую сумму. Рождество всегда дорого обходится. А так мы только оставим слугам деньги на пропитание.

— В конце концов, — вздохнула Мэгдалин, — Рождество скучно везде.

— Полагаю, — не унимался Джордж, думая о своем, — они рассчитывают на рождественский обед? Что, если обойтись вместо индейки хорошим куском говядины?

— Ты о слугах? Перестань суетиться, Джордж. Вечно ты беспокоишься из-за денег.

— Кто-то должен об этом беспокоиться, — отозвался Джордж.

— Да, но нелепо экономить по мелочам. Почему ты не потребуешь, чтобы отец давал тебе побольше денег?

— Он и так выплачивает мне недурное содержание.

— Ужасно вот так полностью зависеть от отца! Он должен сразу выделить тебе крупную сумму.

— Это не в его стиле.

Мэгдалин посмотрела на мужа. Взгляд ее карих глаз внезапно стал острым и пронизательным, а невыразительное яйцевидное лицо — осмысленным.

— Твой отец ведь очень богат — почти миллионер, верно, Джордж?

— Думаю, даже дважды миллионер.

Мэгдалин завистливо вздохнула:

— И откуда у него столько денег? Из Южной Африки, не так ли?

— Да, в молодости он сколотил там большое состояние. В основном алмазы.

— Как интересно! — воскликнула Мэгдалин.

— Потом он перебрался в Англию, занялся бизнесом и удвоил это состояние, если не утроил.

— А что будет после его смерти?

— Отец редко говорил на эту тему, а я не мог его спрашивать. Полагаю, большая часть денег отойдет Элфреду и мне. Элфред, конечно, получит основную долю.

— Но ведь у тебя есть и другие братья, верно?

— Да, есть Дэвид. Не думаю, что ему много достанется. Он уехал, чтобы заняться живописью или какой-то другой чепухой. Кажется, отец предупредил, что вычеркнет его из завещания, но Дэвид ответил, что это его не волнует.

— Как глупо! — с презрением промолвила Мэгдалин.

— У меня еще была сестра Дженнифер, которая уехала с иностранцем — испанским художником, приятелем Дэвида. Но она умерла чуть больше года назад. По-моему, у нее осталась дочь. Отец мог завещать ей какую-то сумму, но очень небольшую. Конечно, есть еще Харри... — Он умолк, слегка смутившись.

— Харри? — удивленно переспросила Мэгдалин. — Кто это?

— Э-э... мой брат.

— Никогда не знала, что у тебя есть еще один брат.

— Дорогая, он... не делал нам особой чести, поэтому мы о нем не упоминаем. Его поведение было постыдным. Мы не слышали о нем уже несколько лет. Возможно, он умер.

Неожиданно Мэгдалин рассмеялась.

— В чем дело? Почему ты смеешься?

— Мне просто показалось забавным, что у тебя, Джордж, есть беспутный братец! — объяснила Мэгдалин. — Ты ведь такой уважаемый.

— Надеюсь, — холодно произнес Джордж.

— Зато твой отец не слишком уважаемый, верно?

— Право, Мэгдалин!

— Иногда он такое говорит, что мне становится не по себе.

— Ты удивляешь меня, Мэгдалин. Неужели Лидия чувствует то же самое?

— Ей он такие вещи не говорит, — сердито сказала Мэгдалин. — Не понимаю почему.

Джордж бросил на нее быстрый взгляд.

— Нужно делать скидку на возраст, — промямлил он. — Да и со здоровьем у отца неважно...

— Он действительно тяжело болен? — спросила его жена.

— Ну, я бы так не сказал. Отец еще достаточно крепок. Но я думаю, он прав, что хочет собрать на Рождество всю семью. Возможно, это его последнее Рождество.

— Это ты так говоришь, — резко сказала Мэгдалин, — но, полагаю, он может прожить еще годы.

Джордж выглядел озадаченным.

— Да, конечно, может, — неуверенно отозвался он.

Мэгдалин отвернулась.

— Очевидно, мы в самом деле должны туда поехать, — вздохнула она.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Но мне так не хочется! Элфред ужасный зануда, а Лидия меня унижает.

— Чепуха.

— Вовсе не чепуха. И я ненавижу этого мерзкого слугу.

— Старого Трессилиана?

— Нет, Хорбери. Крадется, как кот, и ухмыляется!

— Не понимаю, Мэгдалин, какое тебе дело до Хорбери.

— Он действует мне на нервы. Но я знаю, что ехать придется. Не стоит обижать старика.

— То-то и оно. Что касается рождественского обеда для слуг...

— Не теперь, Джордж. Я позвоню Лидии и сообщу ей, что мы приедем завтра поездом в пять двадцать.

Мэгдалин быстро вышла из комнаты. Позвонив в Горстон-Холл, она поднялась к себе, села за письменный стол, откинула крышку и стала рыться в отделениях для бумаг. Оттуда посыпались целые каскады счетов. Мэгдалин начала сортировать их, пытаясь создать некое подобие порядка, но в итоге, тяжело вздохнув, запихнула их назад и провела рукой по платиновым волосам.

— Что же мне делать? — пробормотала она.

На втором этаже Горстон-Холла длинный коридор вел к большой комнате, окна которой выходили на парадную подъездную аллею. Комната была меблирована в пыш-

ном старомодном стиле. Обои под парчу, кожаные кресла, большие вазы, разрисованные драконами, бронзовые статуи... Все выглядело величавым, дорогим и солидным.

В самом массивном кресле сидел тощий, сморщенный старик. Его длинные руки, похожие на когтистые лапы, покоились на подлокотниках. Рядом стояла трость с золотым набалдашником. На старике был старый, выцветший голубой халат, на ногах — матерчатые шлепанцы. Волосы у него были седыми, а кожа на лице — желтоватой.

На первый взгляд старик мог показаться убогим и жалким. Но гордый орлиный нос и темные, необычайно живые глаза заставили бы наблюдателя изменить мнение. В хрупком теле ощущались жизненная сила и энергия.

Неожиданно старый Симеон Ли усмехнулся.

— Вы передали мое сообщение миссис Элфред? — осведомился он.

— Да, сэр, — почтительно отозвался стоящий рядом с креслом Хорбери.

— Слово в слово? Ничего не напутали?

— Да, сэр. Я не ошибся.

— Лучше не ошибайтесь и впредь, иначе вы об этом пожалеете! А что она ответила, Хорбери? И что сказал мистер Элфред?

Хорбери повторил разговор лишенным эмоций тоном. Старик снова захихикал, довольно потирая руки.

— Превосходно! Теперь они весь день будут ломать себе голову! Приведите их, Хорбери.

— Да, сэр.

Слуга бесшумно пересек комнату и вышел.

— Погодите, Хорбери! — Старик обернулся, но было уже поздно. — Парень двигается, как кот! Никогда не знаешь, где он.

Симеон Ли неподвижно сидел в кресле, поглаживая подбородок, пока в дверь не постучали и не вошли Элфред и Лидия.

— А, вот и вы! Садись рядом со мной, Лидия. Какой у тебя приятный румянец!

— Я выходила на террасу, а там очень холодно.

— Хорошо отдохнул, папа? — спросил Элфред.

— Отлично. Вспоминал былое — те дни, когда я еще не обосновался здесь и не стал столпом общества.

Он опять захихикал.

Его невестка сидела молча и вежливо улыбалась.

28 — Что это за два лишних гостя на Рождество, папа? — спросил Элфред.

— Ах да, я должен рассказать вам об этом. У меня будет поистине великолепное Рождество. Приедут Джордж и Мэгдалин...

— Да, они прибывают поездом в пять двадцать, — кивнула Лидия.

— Конечно, Джордж — никчемный пустозвон, — продолжал старый Симеон, — но все же он мой сын.

— Избирателям он нравится, — заметил Элфред.

Симеон захихикал вновь:

— Возможно, они считают его честным. Ха-ха! Еще не родился честный Ли!

— Это уж слишком, папа!

— Разумеется, кроме тебя, мой мальчик.

— А Дэвид? — спросила Лидия.

— Мне было бы любопытно взглянуть на Дэвида после стольких лет. Он всегда был размазней. Интересно, что представляет собой его жена? Во всяком случае, он не женился на девчонке моложе его на двадцать лет, как этот болван Джордж!

— Хильда прислала очень приятное письмо, — сказала Лидия. — А только что я получила от нее телеграмму, подтверждающую, что они приедут завтра.

Свекор внимательно посмотрел на нее и усмехнулся:

— Мне никогда не выведать, о чем ты думаешь на самом деле, Лидия. Впрочем, это говорит в пользу твоего воспитания. Порода всегда дает о себе знать — уж мне-то это хорошо известно. Забавная вещь — наследственность. У меня куча детей, а только один пошел в меня. — В его глазах заплясали искорки. — Как по-вашему, кто еще приедет на Рождество? Бьюсь об заклад, что не угадаете!

Он переводил взгляд с одного лица на другое.

Элфред нахмурился:

— Хорбери сообщил, что ты ожидаешь молодую леди.

— И это тебя заинтриговало, верно? Пилар прибудет с минуты на минуту. Я послал автомобиль на станцию.

— Пилар? — резко спросил Элфред.

— Пилар Эстрададос, — кивнул Симеон. — Дочь Дженнифер — моя внучка. Интересно, как она выглядит.

— Господи, папа! — воскликнул Элфред. — Ты никогда не говорил мне...

— Конечно, — ухмыльнулся старик. — Я все держал в секрете. Велел Чарлтону написать ей и все устроить.

— Ты никогда не говорил мне... — с укором повторил Элфред. 29

Его отец продолжал злорадно усмехаться.

— Это испортило бы сюрприз! Разве не любопытно, что получится, если в доме вновь заиграет молодая кровь? Я ни разу не видел Эстрададоса. Как ты думаешь, в кого пошла девочка — в отца или в мать?

— Ты действительно считаешь это разумным, папа? — снова заговорил Элфред. — Учитывая все обстоятельства...

Старик прервал его:

— Ты всегда был слишком осторожен, Элфред. Но это не по мне. Мой девиз — делай что хочешь, даже если будешь за это проклят! Пилар — моя внучка, других внуков у меня нет! Мне плевать, кто ее отец и что он натворил! Она моя плоть и кровь и приедет жить в моем доме!

— Она останется здесь жить? — резко осведомилась Лидия.

Симеон метнул на нее быстрый взгляд:

— У тебя есть возражения?

Лидия покачала головой и улыбнулась:

— Я не могу возражать против того, чтобы вы пригласили кого-то в ваш собственный дом. Меня просто интересует...

— Что именно?

— Будет ли она здесь счастлива.

Старый Симеон вскинул голову:

— У нее за душой ни пенни. Она должна быть благодарна!

Лидия пожала плечами.

Симеон обернулся к Элфреду:

— Теперь понимаешь, какое это будет замечательное Рождество? Все мои дети соберутся вокруг меня! Все дети — вот тебе ключ к разгадке, Элфред. Теперь угадай, кто другой гость.

Элфред внезапно побледнел.

— Неужели... неужели Харри? — запинаясь, произнес он.

— Харри собственной персоной!

— Но мы думали, что он умер!

— Только не он!

— И ты... пригласил его сюда? После всего, что было?

— Блудный сын, а? Ты прав, Элфред. Мы должны зако-

30 лоть откормленного тельца!¹ Нужно устроить ему пышный прием.

— Но Харри обошелся с тобой... со всеми нами... просто недостойно! — воскликнул Элфред. — Он...

— Незачем перечислять его проступки — слишком длинный получится список. Но не забывай, что Рождество — время прощения грехов. Блудного сына нужно встретить радушно.

Элфред поднялся.

— Это... это настоящий шок, — пробормотал он. — Я и представить не мог, что Харри когда-нибудь снова перешагнет порог этого дома.

Симеон склонился вперед.

— Ты никогда не любил Харри, верно? — негромко спросил он.

— После того, как он с тобой обошелся...

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — хихикнул Симеон. — Хороший девиз для Рождества, не так ли, Лидия?

Лидия тоже казалась бледной.

— Вижу, — сухо промолвила она, — в этом году вы особенно тщательно готовились к Рождеству.

— Я хочу, чтобы вокруг меня собралась вся семья и чтобы в доме царили мир и согласие. Ведь я старик. Элфред, ты уже уходишь?

Элфред быстро зашагал к двери. Лидия задержалась у кресла.

Симеон кивнул вслед удаляющейся фигуре:

— Это его расстроило. Он и Харри никогда не ладили. Харри дразнил его — говорил, что Элфред, прежде чем сделать шаг, несколько раз проверит, как бы не споткнуться.

Лидия собиралась ответить, но передумала. Видя, что ее сдержанность разочаровала старика, она сказала:

— Не забывайте, что черепаха сумела обогнать зайца.

— Так бывает не всегда, моя дорогая Лидия, — заметил Симеон.

Лидия улыбнулась:

— Простите, я должна идти к Элфреду. Внезапное волнение выбивает его из колеи.

¹Намек на притчу о блудном сыне, в честь возвращения которого отец велел заколоть откормленного тельца (Евангелие от Луки, 15:11—32).

Содержание

РОЖДЕСТВО ЭРКЮЛЯ ПУАРО. Роман 7

(Перевод В. Тирдатова)

СМЕРТЬ НА НИЛЕ. Роман 181

(Перевод В. Харитонова)